

Заморозки

Покрыта крапива инеем,
Как будто великим именем
Покрыты грехи...
И корочка льда колыхнется,
Как ветхая кроха-крышица,
Над миром реки.

А на бесконечной просеке
Застыли причуды осени,
И сердцем замрѣшь,
Когда лист краями колкими
Воткнѣтся в ладонь иголками,
Как пойманный ёж.

Хлеб да соль, тишина, разнотравье,
Сенокос, костерочек, река,
И стакан ходит-бродит за здравье,
Что в глазах мельтешат берега.

Не пьяны мы, а просто устали.
Уработались... Вечер какой!
Расплываются сонные дали
За уснувшею русской рекой.

Словно идолы, встав на колени,
Замираем, и только видны
Волны в пятнышках, словно олени,
Мельтешащие в свете луны.

Закат

Под вечер краснеет округа:
Берёзы, наш дом, мезонин,
Трава на заброшенном луге
И всё, что чернело за ним:

Ручей в одинокой лощине,
В колоде журчащий родник
И тропка в засохшей малине,
Что к речке ведёт напрямик...

Такое лишь может присниться.
От счастья застыл у ворот.
Зачем же так жалобно птица
В лесу одиноко поёт?

Чёрное небо. Не видно
Звёздочек, только одна
Шхуною пьяного Флинта
Бродит по небу луна.

Я же, давно протрезвевший,
Молча смотрю на луну,
Не поклоняясь ни ветру,
Ни золотому руну.

Лишь иногда, отчуждённый,
Взгляд свой бросая в толпу,
Тихо в поэзии тёмной
Я пролагаю тропу.

Геннадью Поникаровскому

Окна с видом на Юг, на реку, занесённую снегом,
И красивее юга любого она во сто крат!
В полушубок укутанный, греюсь, а, слившийся с небом,
В белоснежных лугах догорает морозный закат.

Как приятно мне всё: и снега розоватого тона,
И излучина Юга, и дом этот крепкий, простой,
И селенье, и церковь внизу... и хозяева дома,
Что пустили меня в этот вечер к себе на постой.

Ночь в мезонине один коротаю,
Ниткой суровой робу латаю,
А за окном, словно дыня, крупна,
Спелая соком исходит луна.

С детства меня все пугали луной
И говорили, что свет, мол, дурной,
Шторы задёргивай, спи, а то вдруг
Ты попадёшься плутовке на крюк.

Только сегодня я, ночь коротая,
Через окошко с луною болтаю
И не боюсь, потому что меня
Держит суровая нитка моя.

Мотовозик

Только бы успеть на мотовозик –
На рабочий поезд леспромхоза,
В маленьком вагончике, качаясь,
Укатить до Мирного опять...

Извините, но совсем не поза,
Что в мои стихи явилась проза,
Просто мне на станции сегодня
Неохота снова замерзать.

Буржуечка

Разгорись, моя буржуечка,
Растопи мою печаль.
Жизнь – что яблоко на блюдечке:
Съел бы, только очень жаль.

Будет горе неминуемое
У тебя на целый свет.
Было яблоко на блюдечке,
Съел – и больше жизни нет.

Набивал корзины полные
Я уральским наливным –
Были яблочки отборные,
Всё растаяло как дым.

Так гори, моя буржуечка,
Не давай мне отдохнуть,
Не выкладывай на блюдечке
Мне далёкий вечный путь.

Лодка

Брошена лодка у кладбища.
Днище травой проросло.
Ткни пальцем – сразу развалится
Крепкое с виду весло.

Кто её выволок, бедную,
Так далеко от реки?
Может, однажды поспорили
Со стариком рыбаки?

И, доводя, насмехались,
Ржали как кони в ночи:
«Где тебе, старому, справиться?
Впору сидеть на печи!».

... Лодка лежит в ожидании:
Встанет старик под крестом,
Перевернёт её, верную,
И оттолкнётся веслом.

Села сорока на ель и качается,
Будто ей всё нипочём,
Будто и жизнь никогда не кончается –
Бьёт своим вечным ключом.

Только завидовать вроде бы нечему:
Тоже, наверно, тоска
Так вот сидеть и качаться на веточке
Ели на крае леска.

Тихо бежит родниковая чистая
Струйкою тонкой вода,
И распознать ту великую истину
Мне не дано никогда.